

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В58

Власов, Эдуард Юрьевич.

В58 Охота на крокодила / Эдуард Власов. — Москва : Эксмо, 2024. — 352 с. — (Криминальные тайны Хоккайдо. Русский отдел).

ISBN 978-5-04-204657-5

Префектура Хоккайдо, Япония.

В порту Отару найден изуродованный труп матроса Шепелева с российского туристического судна. С чего кому-то убивать безобидного работника, драившего палубу?

Прибывший на место происшествия майор полиции Минамото узнает от коллег, что убитый был секретным информатором японской полиции и поставлял сведения о ввозе в Японию опасного нелегального груза из России.

Полиция Отару поднимает информаторов, и те выясняют у своих людей в Хабаровске, что грядет огромная международная контрабандная операция, и труп — лишь ее предвестник.

Минамото садится в одном из портов на туристическое судно, где работал матрос, — убийца все еще там...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-204657-5 © Власов Э.Ю., 2024
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

ГЛАВА 1

Асфальт кончился внезапно и безапелляционно, без всяких там последних предупреждений и дипломатических намеков, еще до выезда из поселка, едва оборвалась за пыльными стеклами череда почерневших от старости и социальной ненависти двухэтажных бараков. А относительно приличной, плотно утрамбованной грунтовки хватило лишь на пару километров, после чего наш выдавший не только родные японские, но и унылые сибирские виды тойотовский микроавтобус «Алфард» запрыгал по беспощадным полуметровым ухабам и заметался в узких границах двух прокатанных среди бурой травы широких колесных тропинок в поисках более или менее ровной поверхности для дальнейшего продвижения к нашей заветной цели.

Я подался вперед, чтобы посмотреть сквозь мытое в последний раз пару лет назад еще в Японии лобовое стекло «Алфарда» на три грозных антрацитовых «Сурфа», которые хаотично металась и ежесекундно подпрыгивали в полусотне метров перед нами. Детсья им было принципиально некуда, так что я мог бы и не проявлять лишний раз свое рвение, но все-таки служебные привязанности заставили меня убедиться в том, что «Сурфы» по-прежнему находятся в поле моего зрения.

Чтобы отогнать зарождающуюся в недрах моего брэнного тела горячую лаву, состоящую из давешних столовских пельменей, черного хлеба и того, что они здесь называют «пепси-колой», я попытался представить себе, что бы мне пришлось делать, если бы вдруг Като с его

парнями решили вдруг от нас оторваться. Но ничего ни фантастического, ни реалистического мне на ум не пришло. Ведь даже этим хваленым полноприводным внедорожникам, завезенным сюда с моего родимого Хоккайдо, приходится несладко на этой двухколейной трассе, обозначенной на карте бескрайнего Хабаровского края как «автомобильная дорога районного значения». Собственно, это и не дорога вовсе, а эдакий тоннель без крыши со стенами из метровой пыли. По бокам — травы, про которые у меня за спиной урчит не поддающийся тошноте Ганин, над крышей «Алфарда» — холодное лазурное желе, а под колесами — готовая трасса для могула — только снежком ее присыпь. Ничего, этому спесивому Като полезно протрястись по бугоркам и кочкам нашего северо-западного соседа — не все же ему на том же «Сурфе» по гладкому японскому асфальту разъезжать.

Заветной цели мы достигли только часа через два. Едва Ганин в тысячный раз допел тоскливый рефрен про то, что какие-то травы не успели от чего-то там загнуться, сундукообразные тупорылые «Сурфы» синхронно уткнулись пыльными капотами в высоченные сосны на краю огромного, безнадежно заросшего пылью и коноплей поля. Когда водитель «Алфарда» — сорокалетний обладатель стальных зубов, рыбьих глаз и забавного имени Демид — остановил автобусик с нашими уже почти не подававшими признаков жизни телами поодаль от джипов, из их разверстых внутренностей всю вываливались на не знавшую ни свирепой крестьянской косы, ни продвинутой капиталистической газонокосилки земную поверхность ВИПы, то бишь «очень важные пассажиры». Като выдавил из «Сурфа» свое драгоценное тело последним, дав возможность Мацуи и Сато, а также трем вице-губернаторским громилам подставить ему для опоры обтянутые черной кожей бицепсы и предплечья.

Эта показная медлительность, которая, по мнению Като, должна была ежесекундно сообщать окружающей среде о политическом весе его обладателя, меня бесила все больше. Ну ладно еще, на судне он двигался как отлитая из самоварного золота статуя. В море эту деланую величавость можно списать на необходимость передвигаться по палубам и трапам аккуратно и не торопясь, дабы не стать жертвой качки или неловкого движения подвыпившего рулевого. Да и видел я его на корабле не так уж и часто. Но здесь, в пятидесяти километрах к западу от Ванино, в глухой дальневосточной тайге, где Като мог поразить своей гордой поступью нелепого чугунного командора лишь безмолвные сосны и не греющее ни душу, ни тело осеннее солнце, это окрашенное в яркие социально-иерархические тона шоу выглядело отвратительно. Я отвернулся, чтобы не стошнило: двухчасовое ралли по трассе повышенной сложности сделало свое черное дело, и, если бы я еще пару секунд понаблюдал за катовскими церемониями, меня бы точно вывернуло наизнанку.

Кстати, об изнанке. На нем ведь опять, как и все последние дни, красовался этот проклятый крокодильчик... Моя тошнота от этого безотчетного увлечения Като продукцией фирмы Crocodile только усиливалась. Не то чтобы я был против футболок, ветровок и брюк с симпатичными крокодильчиками на левой груди и правом заднем кармане, но когда у человека всю дорогу нет на теле ничего другого, кроме этих проклятых крокодилов, это уже чересчур. Это уже манией пахнет, а где, как любит говорить балагур Ганин, мания, там и мафия, и это не пустые для моей профессии слова. В них есть такая большая доля правды, что ее можно услышать без слухового аппарата, который в нашей странной автобусной компании имеется у каждого, исключая нас с Ганиным и, может, еще Демида, хотя рассматривать его уши — последнее дело.

Ладно бы был беден этот Като, а то он глава самой большой на Хоккайдо частной таможенной конторы, таможенный брокер номер один в наших портах. На растаможке одних только русских крабов он миллиарды йен в год зарабатывает. И при этом ничего, кроме «крокодилов», не носит. Конечно, тряпки эти недешевые, как их великий эксперт в области подиума Ганин обзывает, «понтовые», но нельзя же так обожать этих мерзких рептилий! Нельзя же так открыто денно и ночно демонстрировать свою собственную принадлежность к классу беспощадных хищников, которые если уж решили кого-нибудь сожрать, то сожрут обязательно. И особенно здесь, на ваннинской земле, этот крокодильчик на левом бортике легкой, небесного цвета куртке Като выглядел одновременно нелепо и зловеще. Вроде и воды поблизости нет — а крокодилы, как известно, на суше серьезной опасности не представляют, — а все равно лишний раз подходить к нему, заводить беседу и вежливо поддакивать совсем не хочется.

Пока в моих разъятых бешеной тряской мозгах пытались слиться в едином антикатовском порыве не слишком светлые мысли про таможенных брокеров и их ближайших родственников-крокодилов, живчик Ганин извлек из «Алфарда» всех своих семерых престарелых самураев, состояние которых, судя по их лицам, сливающимся по цвету с жухлой октябрьской травой, было еще хуже моего. Бодрый сенсей продолжал свой «травный» концерт и теперь под нос самому себе сообщал, что он «сойдет на какой-то дальней станции» и при этом «покроется травой». Дедули кряхтели, постанывали и вообще едва держались на ногах: им было явно не до ностальгирования, по горько-сладкому зову которого они сюда заявились — или, как сказал бы тот же Ганин, приперлись — вместо того, чтобы мирно копать у себя на домашних огородах, благо и дайкон уже поспел, и бакла-

жаны за них тоже никто не соберет. Дети из семейных гнездышек уж лет двадцать как повыпархивали, а у благоверных бабуль поясницы скрипят еще громче, чем у них самих.

Ганинское «травой покроюсь» подходило к сложившейся ситуации как нельзя кстати. Где в этом могучем бурьяне эти деды будут искать своих не доживших до нашего японского послевоенного процветания кунов, то бишь, как любит говорить Ганин, корешей? Чтобы их под высокой травой разыскать, нужно всю эту лебеду вырвать из земли с корнем. А у этих дедушек запенсионного возраста давно уже в руках не то что лопата — элементарные палочки для еды долго не задерживаются...

Чувство долга — естественно, служебного (когда ко рту из глотки начинает подкатывать кислая волна, тут уж не до морали, тут главное — не смалодушничать и не начать возвращать природе взятое у нее по сходной цене в сегодняшней портовой столовке) — заставило меня боком двинуться к элитному отряду наемников-интернационалистов, окружившему Като. Он в этот момент шевельнул губами, и один из его русских нукеров тут же бросился к нашему Демиду. Улыбающийся чему-то мне неведомому Демид на приказ вице-губернаторского охранника отреагировал моментально, чем убедил меня в отсутствии у него проблем со слухом. Он потянул заднюю дверь своего многострадального микроавтобуса и достал оттуда обычную штыковую лопату. Като жестом указал ему вперед, на возвышающиеся над полем кусты, и Демид бойко пошагал туда, подобно одному великому русскому поэту-великану, раздвигая руками заросли ржи, роль которой в здешних условиях выполняла банальная полынь. Величавый Като последовал за ним с видом маршала-демократа, смело шагнувшего на минное поле, но предусмотрительно пустившего вперед себя рядового-камикадзе. Сато с Мацуи пошли сле-

дом, а русские охранники остались у джипов в компании с Авиловым.

Идти за Като к кустам не разрешило мне обостренное чувство самосохранения — хотя пойти очень хотелось, — поэтому я решил ограничиться служебным прослушиванием высокоинтеллектуальной беседы наших русских хозяев.

— Ну чего, скоро он там? — шепнул один охранник другому. — Куда он пошлепал?

— Хрен его знает! — шепнул в ответ другой. — Тормозит его постоянно. Ходит, как зубилом деланный. Выламывается все... Поди разберись в этих япошках...

— Нам бы засветло вернуться...

— Да не суетись ты! Успеешь засветло! Куда тебе спешить-то? — оборвал своих подчиненных «качков» сердитый Авилов, вяло отгонявший назойливую мошкарку. — И насчет «япошек» сколько вам, ослам, мозги полоскать? Они же все по-русски понимают! Вот свалят завтра, тогда говорите что хотите! А пока варежки свои сельскохозяйственные захлопните! Въехали?

Обозванный заочно «япошкой» Като тем временем отмахал метров сорок по высокой траве и остановился не подалеку от нас в виде прижизненного бюста. Нам была видна теперь только верхняя часть его массивного тела — широкая спина, короткая шея и серебристый ежик. Демид продолжил было рассекать своей бронетанковой плотью девственные травы, которыми пять минут назад собирался покрыться мой друг Ганин, но короткий рык Мацуи заставил его повернуть назад. Искрящийся серебром затылок Като медленно повернулся налево, затем направо, после чего вместо затылка я вдруг увидел крутой изгиб его широченной спины. Старик нагнулся, затем не спеша распрямился и поднес к носу зажатые в щепоть пальцы правой руки. Мое «орлиное» зрение уловило легкое движение его пальцев, а заодно и содержимое щепоти. Като потер пальцами пучок сорванной травы и понюхал

его. Видимо, от тряски по ванинским долинам и взгорьям у этого спесивца появился насморк, потому что между втягиваем лошадиными ноздрями запаха травы и одобрительным качанием его затылка прошла, по моим подсчетам, целая вечность или как минимум большая ее половина.

Наконец он отбросил выполнивший свою почетную функцию пучок травы и ткнул пальцем себе под ноги с левой стороны. Мацуи и Сато махнули Демиду, и тот вонзил лопату где-то в районе левой ноги Като.

— Попал? — прошипел у меня за правым плечом известный садист всех времен и народов Ганин.

— Ты, Ганин, не торопись, — прошипел я в ответ. — Он нам еще живым пригодится.

— Так я ж не про сердце и не про шею спрашиваю, — тихо огрызнулся Ганин, — а про ногу. Одной ногой больше, одной ногой меньше... Подумаешь, какая потеря...

Я с наигранной укоризной заглянул в искрящиеся пионерским задором глаза сенсея.

— Человеколюбивый ты наш!

— Можно подумать, Такуя, что ты не про то же самое подумал! — резанул правду-матку Ганин.

Естественно, Ганин был прав — слава богу, не первый год меня знает и понимает прекрасно, что частенько мы с ним мыслим и действуем синхронно, как те русские пловчихи с бельевыми прищепками на очаровательных носиках.

Демид нанес полтора десятка ударов, после чего воткнул лопату и подобострастно запрыгал в нашем направлении. Он пробежал мимо нашей разношерстой компании к своему автобусу и достал из его вместительной кормы небольшой жбан с крышкой.

— Много брать будет? — спросил у Демида подошедший к нему по директивному кивку Авилова охранник.

— Иди спроси у него! — огрызнулся Демид. — Он молчит все время! Медитирует, пукалка желтозадая... Пальцами только тычет...

Парень кивнул на своего начальника.

— А Башка говорил, он по-русски может!

— Может! Я сам слышал!

Демид прижал к груди драгоценную емкость из кровельного железа.

— Сколько лет прошло, а он помнит все!.. Все слова наши...

Второй охранник нагнулся к плечу шефа.

— Сергей Владимирович, так он много сейчас брать будет? А то мы не поняли, землекопов не взяли... Демиду вот только. Может, еще за мужиками сгонять? Тут недалеко, в Займище, можно ребят с лопатами накопать!

— Пес его разберет! — прошипел Авилов, провожая взглядом удаляющегося Демиду. — На «много» он мне должен заяву писать, с пограницами договариваться... Да и таможня наша начнет в его добре ковыряться, долю свою накапывать... Много вывозить — это такая головная задница! Так что не думаю, что сейчас много возьмет... Он же еще раз собирается приехать. Вот тогда, наверное, и загрузится по полной...

Поодаль Демид принялся лопатой наполнять не видный из-за травы жбан, а за моей спиной постепенно приходили в себя пенсионеры-самураи. Один из них на полусогнутых нырнул в коноплю, и оттуда тут же раздался сухонький писк:

— Ямада-кун! Сайто-кун! Я Такэси нашел!

Ямада с Сайто прыгнули на голос и моментально исчезли в блеклой густой траве.

Три дня назад началось все тоже с дедушек. Вернее, с одного дедушки. Труп Шепелева выловил Ёсиро Ада-ти семидесяти двух лет от роду, проживающий в Отару по адресу, представляющему интерес исключительно для

следственных органов, да и то провинциальных. Как он сам не без пенсионерского удовольствия поведал мне, возрастная бессонница, высокие цены на рыбную продукцию в местных магазинах и слишком уж скромная пенсия привели его в начале шестого утра в субботу 6 октября на один из портовых пирсов, откуда он собирался начать закидывать в покрытые мутным белесым туманом воды нашего родимого Японского моря свой старенький спиннинг, которым он, если верить его словам, наловил уже никак не меньше десяти тонн морских деликатесов типа минтая, наваги и ложного палтуса.

Я живо себе представил, как над его нелепой камуфляжной панамой взмывает гибкая сталь, как летит в молоко тумана сверкающая в первых солнечных лучах золотистая блесна и как в предвкушении двухсоткилограммового тунца, которого в Отару отродясь не водилось, начинает Адати крутить катушку своей старенькой кормилицы. Но на этот раз традиционное субботнее удовольствие старика в гастрономический пир не переросло. Катушка крутилась все медленнее и медленнее, и когда леска встала по отношению к кромке пирса почти перпендикулярно, рыбак заглянул вниз, где увидел, как о грубо отесанные камни причальной кладки бьется облаченное в синий адидасовский спортивный костюм тело утопленника-иностранца.

Отарским ребятам сильно повезло: я в пятницу заехал на ужин к своему приятелю Сёю Накагаве в Тейне. Дзюнко, естественно, ждать ни к ужину, ни к футону не стала: с Сёю я встречаюсь редко, особенно после того, как он уволился и открыл свою адвокатскую практику. А тут вдруг повод возник: его старшая в одночасье превратила моего давнего знакомого еще со времен академии в деда. Не сказать чтобы Сёю, который старше меня всего на три года, сильно обрадовался этому факту, но обмыть младенца, тем более рожденного в законном браке с молодень-

ким адвокатиком, подвизающимся в накагавской конторе, — дело святое. Короче говоря, слава богу, мы с Сёю приняли в пятницу вечером не так много (он все-таки особой радости от причины возлияния не испытывал), чтобы субботнее пробуждение по звонку стало для меня пыткой.

От саппоровского пригорода Тейне до Отару десять минут по пустой в столь ранний час скоростной дороге, так что, когда я ворвался в отарский порт на своем лихом кауром, как уверяет меня знаток всех лошадиных мастей Ганин, коне, возвращенном в конвейерных конюшнях конезавода под названием «Мицубиси», местные ребята едва успели приступить к протокольным процедурам. Я подрулил к скоплению черно-белых машин и синих мундиров, по-муравьиному копошившихся-суетившихся возле самого края пустого причала.

Навстречу мне из этого муравейника шагнул мой давний знакомый — начальник международного отдела полиции Отару майор Ивахара.

— Приветствую, Минамото-сан! — козырнул он.

— Утро доброе, Ивахара-сан! — приветствовал я его из салона машины, пытаясь нащупать в бардачке коробочку с мятными таблетками. — Не для всех, правда, как я понимаю...

— Что «не для всех»? — удивился майор.

— Не для всех доброе, — пояснил я. — Утро, я имею в виду.

— А-а, вон что...

С юмором у Ивахары всегда было туго, поэтому он резко сменил тему:

— Как вы быстро!

Коробочка наконец нашлась, и через мгновение мой иссушенный рот наполнился благовонной прохладой.

— Я не из дома. У друга в Тейне ночевал. Скоростная еще пустая, так что долетел до вас за десять минут. Что у вас? Русский?

— Видимо, да, — кивнул Ивахара. — Вас ждали, не доставали. Сейчас начнем поднимать. Посмотрите, пожалуйста!

— Да чего там смотреть!..

Неторопливо, чтобы не уронить честь прибывшего из столицы ревизора, я выбрался из машины и нехотя стал продираться сквозь жужжащий рой экспертов и полицейских фотографов к краю пирса.

Я отодвинул одного из наиболее ретивых ивахарских сержантов, закрывавшего мне весь прекрасный утренний пейзаж, — внизу бились о камни, как и предупреждал по телефону Нисио, адидасовский костюм и упакованное в него инородное для наших пенатов тело.

— Скорее всего, русский, — сказал за моей спиной Ивахара. — Я так полагаю... Судя по виду...

— Судя по виду — да...

Я перевел взгляд с утопленника на корабли, стоявшие у соседних причалов.

— А судов их много сейчас в порту?

— Семь. Шесть рыбацких, одно пассажирское.

Ивахара кивнул на белевшее через два пирса судно, на котором патетически значилось «Анна Ахматова».

— Заявлений пока не было?

— Нет, спят все еще... Такая рань...

Я продолжил разглядывать флаги на судах.

— А остальные? Кроме русских...

— Наши — конечно, около двадцати. Еще китайские, корейские... — отозвался Ивахара. — Южные, в смысле.

— Что «южные»? — теперь уже не понял я.

— Корейцы южные, не северные то есть.

— Да?

Я опять посмотрел вниз.

— На корейца он никак не тянет... Ни на южного, ни на северного...

— Да и костюмчик! — добавил Ивахара. — Типичный для русских. Они в таких обычно приезжают.

— Да-да, — согласился я, глядя на тройные белые полосы на бедрах утопленника и трезубец на левой груди. — Типичный матросский костюм... Поднимайте!

Ивахара дал указания своим суетливым подчиненным, и шестеро из них принялись огромными петлями из пластиковых трубок подцеплять с двух сторон бездыханное тело.

— Вы извините, что пришлось вас в субботу дернуть, — виновато сказал Ивахара. — Я просто по уставу информацию в Саппоро направил... Никак не думал, что Нисио-сан вас заставит к нам ехать...

— Да вы тут ни при чем совершенно, Ивахара-сан, — отмахнулся я от деликатного майора. — Просто полковнику видеть меня без дела не слишком по душе. Вот он и устроил мне поездочку на выходные...

— Дел нет у вас сейчас в Саппоро? — участливо поинтересовался Ивахара.

— Убийств по моей линии нет. Слава богу, уже третий месяц. Так что сижу, бумажки переписываю...

Тело утопленника поместили на голубую простыню, разложенную в полуметре от кромки пирса. Это был крепкий русоволосый мужчина, на вид лет сорока — сорока пяти (хотя русские обычно выглядят значительно старше, чем указано в паспорте, так что я не удивлюсь, если выяснится, что он мне в младшие братья годится), в наглухо застегнутой на молнию синей адидасовской куртке и таких же брюках с уже изученными мной белыми трехполосными лампасами. На первый взгляд, никаких видимых признаков насилия на теле заметно не было.

Я посмотрел на майора, и Ивахара немедленно дал знак перевернуть покойника. Двое сержантиков в резиновых перчатках перевернули бедолагу на живот. Сзади на шее багровели две рваные раны от мощных ударов, видимо, ножом, с левой стороны спины, в районе сердца, зияли еще четыре аналогичные полосы.

Над трупом дружно защелкали затворы фотоаппаратов и засверкали фотовспышки наших служебных папарацци.

— Переверните его обратно, — приказал Ивахара. — Проверьте карманы! Вещи, документы...

Трое экспертов принялись заученными жестами шарить по телу и карманам трупа, но минутный обыск никаких результатов не дал.

— Пусто? — задал я никому не нужный вопрос.

— Пусто, — кивнул Ивахара. — Поди теперь найди, откуда он такой взялся на нашу с вами голову!.. Нам что, его по всем пароходам на себе таскать?

— Глаза откройте ему! — приказал я ивахарским ребятам, в душе посмеиваясь над недалеким майором.

Эксперты с недоумением посмотрели на меня, затем на своего растерянного шефа и после — опять на меня.

— Я говорю, глаза ему откройте, ребята! — повторил я свой умный приказ.

Один из экспертов покорно положил на навечно смеженные веки покойного свои обтянутые тонкой белой резиной пальцы и повел ими вверх. Глаза утопленника открылись, но вместо привычных цветных зрачков всеобщему взору предстали страшные блестящие жемчужины налитых сливками белков.

— Выкатите ему зрачки.

Я старался, чтобы мой голос звучал как можно более буднично.

Непонятливые эксперты опять принялись стрелять глазами по мне и местному начальству.

— Зрочки, говорю, выкатите ему! — прикрикнул я на отарских тугодумов. — Закатились они у него! Первый раз, что ли, такое видите?! Чего застряли на полпути? Пальчиками поработайте! Нежно только!

Один из экспертов — видимо, тот, которому до настоящего времени никак не удавалось шагнуть на следующую ступень крутой и неподатливой карьерной лестницы, — брезгливо подвигал резиновыми пальцами по мертвым белкам, в результате чего у покойника вдруг обнаружились темно-серые зрочки.

— Вот и славно! — резюмировал я. — А теперь волосы ему чуть поправьте, чтобы их в анфас видно было.

— Что?

— Прическу ему сделайте!

— Прическу?

— Да, причесочку сварганьте быстренько.

Эксперт послушно, но без малейшего намека на вдохновение погладил мертвеца по мокрым волосам.

— Не годится, — покачал я головой. — Это, конечно, «видал», но никак не «сассун». Салфетки есть?

— Какие салфетки? — спросил Ивахара.

— Обычные, бумажные.

— Салфетки есть? Бумажные? — переадресовал Ивахара мой вопрос своим остолбеневшим от моих загадочных команд и требований провинциальным сержантикам и лейтенантикам.

Один из них протянул мне пакетик дармовых салфеток, раздаваемых у нас на всех углах миловидными девицами, подрабатывающими в рекламных кампаниях ростовщических контор и телефонных фирм.

— Вот.

— Это не мне, это ему, — кивнул я на труп.

— Как это? — не понял эксперт.

— Волосы оботрите ему. Чтобы не такие мокрые были.

— Зачем?